

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

ТИТОВ А.

**БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН,
ЕПИСКОП ИППОНСКИЙ**

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

А. ТИТОВЪ.

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ,

ЕПИСКОПЪ

ИППОНСКІЙ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1910.

Блаженный Августинъ, Епископъ Иппонскій.

Въ февральской книжкѣ за 1908 годъ „Христианина“ мной была напечатана лекція профессора краснорѣчія въ Сорбоннѣ Абель Франсуа Вильмена—„Синезій, Епископъ Птолемаидскій, христіанскій поэтъ IV вѣка“. Помѣщаемая ниже другая лекція Вильмена—„Блаженный Августинъ“ представляетъ собою еще болѣе блестящее произведеніе Сорбоннскаго профессора. Принадлежащая мнѣ рукопись съ переводомъ лекцій Вильмена, прежде находившаяся въ собраніи о. архимандрита Сергія Назаретскаго, страдала нѣкоторыми недостатками; чтобы приготовить ее къ печати, приходилось дѣлать поправки и сличать съ подлинникомъ.

Въ Православной Богословской Энциклопедіи А. П. Лопухина ¹⁾ помѣщено популярно-изложенное жизнеописаніе Блаженнаго Августина. Здѣсь же приведено и нѣсколько библиографическихъ свѣдѣній о трудахъ Августина, переведенныхъ на русскій языкъ, но эти свѣдѣнія далеко неполныя. Такъ здѣсь не указано даже и на извѣстное сочиненіе Преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“ ²⁾. Изъ русскихъ переводовъ въ моей библиотекѣ находятся болѣе раннія изданія, составляющія теперь библиографическія рѣдкости: 1) „Избранныя сочиненія Блаженнаго Августина, Епископа

¹⁾ Т. I, стр. 102.

²⁾ Т. III Стр. 17 СПБ. 1882 г.

Иппонскаго. Переводъ съ латинскаго И. Т. 4 части. Москва. Въ типографіи Компаніи типографической. 1786 г.“ и II) „Ручная книжка Блаженнаго Августина о созерцаніи Христа или о Словѣ Божіемъ, которымъ погубленная память о странѣ небесной паки пріобрѣтается. Перев. съ латинскаго Василий Бѣляевъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1783 г.“

Въ XVIII вѣкѣ было выпущено нѣсколько печатныхъ переводовъ сочиненій Блаженнаго Августина. Среди духовенства даже въ 1-й четверти XIX вѣка были особенно популярны: I) „Ручная книжица о прилежномъ, еже о Христѣ или Божіемъ Словѣ во умѣ своемъ поученіи. Соч. Блаженнаго Августина. Перев. съ латинскаго К. Крижановскій. СПб. 1784 г.“ II) Зерцало мысленнаго съ Богомъ собесѣдованія, или дерзновенныя благочестивыхъ душъ паренія. Соч. Блаженнаго Августина. Перев. съ латинскаго Николай Малининъ. Москва. 1783 г.“, а вѣроятно и другія, потому что такихъ переводовъ существовало нѣсколько ¹⁾. Благодаря этимъ изданіямъ, многія мысли Блаженнаго Августина рельефно отражались и на поученіяхъ провинціальныхъ проповѣдниковъ XVIII—XIX вв., что можно видѣть изъ уцѣлѣвшихъ сборниковъ словъ и поученій, находящихся какъ въ моемъ, такъ и другихъ собраніяхъ рукописей. Впрочемъ, сочиненія Блаженнаго Августина, очевидно, были извѣстны русскимъ проповѣдникамъ и ранѣе, уже съ XV вѣка.

Въ капитальномъ трудѣ академика А. И. Соболевскаго „Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII в.“²⁾ указаны между прочимъ и переводы сочиненій Блаженнаго Августина. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1482—1490 г.—Житіе Блаженнаго Августина съ чудесами, переводъ, сдѣланный, очевидно, дякомъ Ѳеодоромъ Курицынымъ. Рукопись эта была у Курбскаго еще до бѣгства его изъ Москвы. Посольскій приказъ въ 1652 году, по повелѣнію дьяка Михаила Юрьевича, поручаетъ пріѣхавшему съ пѣвчими изъ Кіева архидіакону сдѣлать переводъ сочиненій Блаженнаго Августина ³⁾.

¹⁾ Роспись російскимъ книгамъ для чтенія изъ бібліотеки А. Смирдина. СПб. 1828 Отдѣлъ богословія.

²⁾ СПб. 1903.

³⁾ Православ. Обзор. 1887. I, стр. 161.

Въ моемъ собраніи находится Псалтирь № 82 начала XVIII вѣка, гдѣ на л. 11 „Глаголаніе Августина учителя въ пролозѣ и иныхъ о силахъ псалмовъ“ ¹⁾).

Изъ переводовъ сочиненій Августина въ XVII вѣкѣ академикъ Соболевскій упоминаетъ:

1. Книга святаго Августина, западнаго учителя, епископа Иппонскаго, на двѣ части расположенная Напреди имущая исторію о немъ самомъ, отъ ученика его списанную, въ 31-й главахъ.

Житіе святаго Августина, учителя церковнаго, епископа Иппонскаго, списанное отъ ученика его Посейдоніа, епископа Каламанскаго.

Глава 1. Сей всесвященный Августинъ бысть отъ земли Африкійскія...

31 глава.

Языкъ церковно-славянскій, ясный, безъ учености. Положимовъ не замѣчено.

Часть 1-я. Августина учителя о видѣніи Христа...

Часть 2-я. Поученія, или молитвы..., 40 главъ.

Сказаніе о явленіяхъ святому Августину, епископу Иппонійскому.

Начало: Неправедно возмнихъ утаити двѣ повѣсти чудныя, явленныя отъ Бога святому Августину, ихъ же слышаль есмь отъ многихъ православныхъ словомъ сказаемы, паче же отъ *преподобнаго Максима Философа*, а написанныхъ ихъ нигдѣ же видѣхъ, и не вѣмъ, аще преведены ли будутъ въ русскомъ языкѣ...

Это сказаніе, какъ видно изъ упоминанія о Максимѣ Грекѣ,—принадлежитъ *Курбскому*.

Въ концѣ его мы читаемъ: Оле неизреченныя ти, Христе, силы и предивныхъ дѣйствъ твоихъ бездны... Гдѣ нынѣ зазирающіи оглагольники и неповинныхъ истязатели, малоискусныхъ въ писаніи іереевъ и діаконовъ осуждающіи, а простоты жительство ихъ не смотряюще; такожде и наро-

¹⁾ То же въ рукописи графа Уварова № 1830. XVII в.:—Августинъ Картагенянь всю церковь источникомъ своихъ ученій лѣтъ 53 преизобильно напаяше... псалтирь же съ возслѣдованіемъ на Москвѣ печатная иматъ. Въ началѣ предисловіи Августина упоминается съ предложеніемъ ему чести

довъ простыхъ неискусству молитвамъ насмѣхающа, а трудовъ ихъ претяжкихъ и потовъ многихъ ни во что-же вмѣняюще...

Списокъ Чудова монастыря № 216, к. XVII в., съ ученой ореографіей.

Переводъ сдѣланъ человекомъ не только хорошо знающимъ латинскій языкъ, но и по своему образованнѣмъ. Его церковно-славянскій языкъ имѣеть много руссизмовъ.

Курбскій уже передъ бѣгствомъ въ Литву (до 1564 года) владѣль спискомъ житія Августина ¹⁾. Изъ этого можно заключать, что переводчикъ работалъ около половины XVI в. и былъ однимъ изъ людей, близкихъ къ Курбскому. Его трудъ былъ сохраненъ, повидимому, Курбскимъ, обращался сначала только въ юго-западной Руси (и то мало) и лишь въ концѣ XVII в. сталъ извѣстенъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ сочиненіями и переводами Курбскаго.

2. Учителя *Августина* книга о видѣніи Христа, или о Словѣ Бога, имъ же успенна небснаго вожделѣнія память обновляется.

Предисловіе 1. Параграфъ 1. Начало: Понеже посредѣ сѣтей положени есмы...

Глава 1. О дивнѣмъ существѣ Бога.

Академикъ Соболевскій пользовался спискомъ Синод. Библ. № 459, к. XVII в.

Другіе списки (въ ихъ числѣ Чудовск. № 291, принадлежавшій Каріону Истомину) имѣють обширное посвященіе Каріона царевнѣ Софѣѣ (начало: Егда убо ветхозавѣтна скинія), изъ котораго, между прочимъ, видно, что въ 1687 г. онъ списалъ текстъ съ рукописи бѣлорусскаго письма: „кую книгу обрѣтохъ на бѣлорусскомъ письмѣ славенскимъ діалектомъ переведену и писану, юже славенскими буквами написахъ“ ²⁾. Оригиналъ—*Manuale, seu libellus de contempla-*

¹⁾ Письмо литовскаго воеводы кн. Полубенскаго о книгахъ Курбскаго: „другая книга: мученіе князя Михаила Черниговскаго да боярина его Теодора, *Житіе Августія Испанскаго* да и иныя словеса, а переведено изъ латынскаго языка.. А будетъ. не допытаться.. Августина житія, и ты бы велѣлъ списать у старца Вассіана у Муромца въ Печерскомъ монастырѣ, да и *явленіе чудесъ Августиновыхъ*, а писаны при концѣ“. *Бычковъ*, Описаніе рукописн. сборниковъ Публ. Библ., 5³.

²⁾ Каріонъ называетъ это произведеніе: Боговидная любовь. О по-

tione Christi, sive de Verbo Dei, quo sopita coelestis desiderii memoria renovetur (36 главъ) ¹⁾.

Списокъ Академіи Наукъ 16. 7. 19, к. XVII в., не имѣющей посвященія Каріона, имѣетъ передъ текстомъ 36 стихотвореній (четверостишіи, шестистишіи и восьмистишіи) съ заглавіемъ: Надъ всякою главою образы (=изображенія), около же ихъ писаны быша стихи сіи. Начало 1-го стихотворенія: Сладкая бесѣда. Христе сладосте, велія утѣха, Въ бесѣду Твою даруй ми поспѣха...

Списокъ Академіи Наукъ 17. 13. 7, к. XVII в., написанный отличнымъ крупнымъ полууставомъ, съ двумя откуда-то вырѣзанными, раскрашенными гравюрами, въ переплетѣ, обтянутомъ краснымъ сафьяномъ, съ золотымъ тисненіемъ, имѣетъ заглавіе: Книга Боговидная любовь. Вокругъ миниатюрь восьмистишія: 1) Августинъ святой книгу сю состави..., 2) Сладкая бесѣда. Христе сладосте, велія утѣха...

3. Поученія, или молитвы зѣло душеполезныя, учителя *Августина*.

Глава 1. Призывайте Бога всемогнѣ ко исправленію обычаевъ и житія.

Стихъ 1. Начало: Господи Боже мой, даждь сердцу моему Тебе желати, желая искати, ища обрѣсти, обрѣтая любити...

Глава 2. Человѣка обвиненіе и похвала милосердія Божія.

Мы знаемъ списки Спб. Дух. Ак. Соф. 1481—64, к. XVII в., и Чудова мон. № 290, к. XVII в., принадлежавшій Каріону Истомину (40 главъ) ²⁾. Оригиналъ—*Meditationes divi Augustini*

священіи царевнѣ Софѣ, см. *Брайловскій*, Каріонъ Истоминъ, М. 1889, стр. 90 слѣд.

¹⁾ Срв. *Викторовъ*, стр. 22. Каріонъ Истоминъ въ числѣ своихъ трудовъ называетъ „Книгу о любви Божіей чистыя души“, поднесенную царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ (*Брайловскій*, стр. 107). Она нами не найдена, но мы позволяемъ себѣ высказать догадку, что она—переводъ одного изъ произведеній, издававшихся вмѣстѣ съ сочиненіями Блаженнаго Августина, именно *Contemplationes do amore divino*, неизвѣстнаго автора (заглавіе главы I: *Quid sit amor?*).

Кіево-братскій архидіаконъ Михаилъ, во время пребыванія въ Москвѣ въ 1652 году, по приказанію думнаго дьяка Михаила Юрьевича, перевелъ „книгу учителя Августина“. *Кантевевъ*, Патріархъ Никонъ, стр. 164.

²⁾ Снимокъ со второго списка—въ изданіи Археологическаго Института. Въ описаніи одного сборника Боровскаго Пафнугіева монастыря архим. Леонидъ упоминаетъ „39 главъ душеполезныхъ молитвъ учителя Августина“ (*Чтенія М. Обш. Ист. и Др.* 1865 г., кн. 4, стр. 11).

(41 глава), много разъ издававшіяся въ XVI и XVII вв. (мы пользовались изданіемъ іез. Соммалія: *Divi Augustini Meditationes, soliloquia et manuale...*, Coloniae 1639).

Затѣмъ въ моемъ описаніи рукописей Вахрамѣева ¹⁾ находится Синодикъ XVII вѣка (№ 39), гдѣ помѣщено поученіе Блаженнаго Августина на слова апостольская, да быхомъ о умершихъ не скорбѣли. (Нач.: Увѣщаетъ насъ благословесный апостоль).

Кромѣ этого, въ тѣхъ же описанныхъ мной Вахрамѣевскихъ рукописяхъ, есть тоже переводныя сочиненія Блаженнаго Августина. Во всѣхъ рукописяхъ моего собранія и Вахрамѣевского въ „Великомъ зеркалѣ“ XVII в. въ 1 главѣ находится о непостижимости Пресвятыя Троицы, како Августинъ, епископъ Гиппонскій, отъ нѣкоего являшагося ему отрока научи ²⁾.

Въ изслѣдованіи И. А. Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій и его время“ ³⁾ упоминается, что источникомъ для проповѣдей святителя служилъ, между прочимъ, въ числѣ отцовъ нашей и Западной церкви и Августинъ, епископъ Иппонскій ⁴⁾.

Вообще въ XVIII вѣкѣ творенія Блаженнаго Августина пользовались особой популярностью, что и вызвало печатаніе переводовъ этого западнаго отца церкви. И, по моему мнѣнію, помѣщаемая ниже лекція А. Вильмена, опредѣляя самый духъ, характеръ и направленіе твореній Блаженнаго Августина, вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточно объясняетъ и это явленіе, въ особенности если принять во вниманіе то глубокое уваженіе, которымъ всегда пользовалось самое имя Августина въ Западной церкви.

Блаженный Августинъ, къ жизнеописанію котораго приступаемъ, изумляетъ насъ болѣе всѣхъ другихъ отцовъ латинской церкви. Это былъ писатель, который преимущественнѣе предъ прочими соединялъ воображеніе съ богословіемъ и

¹⁾ Т. I, стр. 25.

²⁾ О Великомъ зеркалѣ было помѣщено изслѣдованіе П. В. Владимірова въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1883 г. кн. II—IV.

³⁾ СПб. 1891 г.

⁴⁾ Стр. 386.

внесъ въ схоластику краснорѣчіе, даже чувство. Перенесите его въ другой вѣкъ, вѣкъ превосходнѣйшей гражданственности, и вы увѣритесь, что никогда никто не былъ одаренъ гениемъ столь обширнымъ и разнообразнымъ. Метафизику, исторію, древности, нравоученіе, изящныя искусства—блаженный Августинъ обнималъ всѣ эти предметы. Онъ писалъ о музыкѣ и о свободной волѣ человѣка, изъяснялъ духовный феноменъ памяти и причины разрушенія Римской Имперіи. Изощенный и глубокий умъ его часто проявлялъ въ мистическихъ проблемахъ такую силу мышленія, которой бы достаточно было для развитія самыхъ высокиихъ идей.

Витійство Августина, не чуждое изысканности и нѣкотораго варваризма, часто было витійствомъ изящнымъ по простотѣ своей и новизнѣ. Строгое его нравоученіе оскорбляло порочныхъ казуистовъ; его творенія—обширное хранилище, изъ котораго почерпаема была богословская наука, такъ долго волновавшая Европу—живо изображаютъ христіанское общество въ концѣ IV столѣтія.

И что же? Ужели въ Карѳагенѣ, превратившемся въ Римскую колонію, въ Иппоніи, Тагастѣ, Мадаврїи, городахъ неизвѣстныхъ, не оставившихъ послѣ себя развалинъ, ужели на этомъ берегу Африки, теперь столь варварскомъ, обиталъ этотъ великій мужъ, краснорѣчивый витія, этотъ смѣлый метафизикъ, уподоблявшійся нерѣдко Платону и одушевлявшій Боссюэта? Чтобы понять это явленіе, необходимо обратить взоры на гражданственность Африки со временъ завоеванія римлянами и особенно со временъ водворенія въ ней христіанства. Мы обыкновенно представляемъ себѣ одинъ Карѳагенъ Аннибаловъ. Не должно забывать, что древнія владѣнія этой республики составляли обширную страну, въ которой сохранилась часть туземнаго народа вмѣстѣ съ остатками пуническихъ нравовъ и языка, но правленіе, судилища, зрѣлища и роскошь были перенесены туда изъ Рима. Карѳагенъ, не разъ перестраиваемый римлянами, по великолѣпію своему и богатству былъ однимъ изъ первыхъ городовъ Имперіи и соперничалъ съ Антиохіей и Александріей. Находясь подъ управленіемъ римскаго проконсула, онъ пользовался преимуществами вольныхъ городовъ, имѣлъ свой собственный сенатъ или народный со-

вѣтъ, бывшій въ великомъ уваженіи во всей Африканской области. Купеческій духъ древняго Карѳагена господствовалъ и въ Римской колоніи, основанной на его развалинахъ. Въсѣтъ съ Египтомъ Карѳагенъ раздѣлялъ преимущество снабжать хлѣбомъ рынки Италіи. Карѳагенская гавань, набережныя и зданія приводили чужеземцевъ въ изумленіе. Одна изъ улицъ, называвшаяся Небесною, наполнена была великолѣпными храмами; другая улица Банкировъ (торговая) блистала золотомъ и мраморомъ. Новый Карѳагенъ не пренебрегалъ наукою: въ немъ были многія знаменитыя школы, въ которыхъ преподавались уроки краснорѣчія и философіи. Длинныя бѣлыя покрывала, вывѣшенныя на дверяхъ училищъ, означали, что вымыслами поэтовъ прикрашиваются полезныя истины. Въ Карѳагенѣ были также и театры, заимствованные у римлянъ. Тамъ представлялись изящнѣйшія драматическія творенія древняго Рима и лучшія подражанія греческимъ трагедіямъ. Комедіи, которыми нѣкогда восхищалъ римлянъ африканецъ Теренцій, бывшій родомъ изъ Италіи, заслуживали, въ описываемое нами время, рукоплесканія въ его отечествѣ, сдѣлавшемся по языку и нравамъ Римскою странюю.

Вѣроятно даже, что обитатели Африки не уступали грекамъ въ пламенной страсти и столь же пылкомъ, хотя и менѣе просвѣщенномъ, энтузіазмѣ къ изящнымъ искусствамъ. Во II вѣкѣ Карѳагенъ названъ былъ музою Африки. Народъ толпами стекался на общественныя площади внимать софистамъ и знаменитымъ риторамъ.

Вскорѣ христіанская вѣра выдвинула въ Карѳагенѣ новыхъ витій, ораторствовавшихъ съ большею силою и важностію о предметахъ несравненно возвышеннѣйшихъ. Слушать ихъ собирались въ пещеры и гробницы. Христіанское богопочитаніе сдѣлалось всеобщимъ, было преслѣдуемо, но съ каждымъ днемъ возрастало.

„Что предпримите вы?“—говоритъ Тертуліанъ—, „противъ многихъ тысячъ мужей и женъ, всякаго возраста и званія, протирающихъ руки къ предлагаемымъ вами оковамъ? Сколько костровъ и мечей вамъ будетъ нужно? предадите ли Карѳагенъ разрушенію?“

Итакъ велики были успѣхи этой пламенной вѣры, что въ Карѳагенѣ, какъ и всюду, жестокосердіе правителей было

побѣждаемо многочисленною жертвъ. Вся Африканская область наполнилась церквами и епископами. Во дни терпимости возрастало число и богатство христіанъ; во дни гоненія возрастала ревность ихъ и благочестіе. Такимъ образомъ, измѣненія еще болѣе благопріятствовали распространенію новой вѣры.

Уже со временъ св. Кипріана, въ половинѣ III вѣка, Африканская церковь имѣла болѣе 200 епископовъ, управлявшихъ духовною паствою во всѣхъ городахъ ежедневно умножавшагося христіанскаго общества.

Эта гражданственность, совершенно церковная, несомнѣнно должна была сильно дѣйствовать на умы народовъ. Каждая деревня, дотолѣ полудикая, каждый отдаленный городокъ, окруженный бойницами, съ проповѣдью христіанства принималъ тотъ же самый символъ вѣры, тѣ же самыя книги и тѣ же частію самыя знанія, на коихъ утвердилось христіанство въ Римѣ и Греціи.

Правда, за этимъ новымъ, разливающимся свѣтомъ слѣдовали и раздоры. Въ Тагастѣ и Мадаврїи также возникали расколы и ереси. Но богословіе, подававшее предметы для споровъ, еще сильнѣе пробуждало природную живость обитателей этого климата. Можетъ быть, вліяніемъ его болѣе изощрились умы, нежели улучшались нравы. Въ Карфагенѣ испорченность нравовъ была ужасная. Даже и между христіанами, жестокіе обычаи помрачали чистоту вѣры. Въ церквахъ и на гробахъ мучениковъ совершались буйныя пиршества, гдѣ отъ неумѣреннаго употребленія вина происходили большіе безпорядки. Въ иныхъ городахъ сохранялись другіе варварскіе обычаи, и вообще съ христіанствомъ обитателей этихъ странъ соединялся нѣкоторый родъ буйнаго неистовства.

Дѣйствительно, нигдѣ пренія о догматахъ вѣры или даже о другихъ менѣе важныхъ постановленіяхъ церкви не были такъ кровопролитны, какъ въ Африкѣ. Главная секта въ ней была ересь донатистовъ, родъ мистиковъ, которые правилами своими и даже самою необузданною своею яростью много походили на анабаптистовъ и независимыхъ.

Другія не принадлежавшія христіанству и чисто восточныя секты также волновали мятежное воображеніе жителей Африки. Секта манихейнъ, возникшая въ предѣлахъ Персіи и

всюду почти слѣдовавшая за ходомъ христіанства, нигдѣ не имѣла болѣе послѣдователей и провѣдниковъ. Она частію принимала догматы христіанской религіи и составила по образцу ея собственную іерархію. Нерѣдко въ небольшомъ африканскомъ городкѣ находились и епископъ каѳолическій, и епископъ донатистовъ, и епископъ манихеянь. Каждый изъ нихъ воспламенялъ своихъ послѣдователей, состязался о вѣрѣ и раздавалъ книги и символы.

Среди этого волненія умовъ, въ этомъ Вавилонѣ человѣческихъ мнѣній и хаосѣ религіозныхъ раздоровъ, родился блаженный Августинъ, съ воображеніемъ пламеннымъ, ненасытнымъ къ познаніямъ и наслажденіямъ любви. Мать Августина была ревностная каѳоличка, отецъ—язычникъ или равнодушный къ вѣрѣ, одинъ изъ его родственниковъ былъ донатистъ. Городъ Тагастъ, его родина, незадолго предъ тѣмъ перешелъ отъ ереси донатистовъ къ Римскому исповѣданію.

Сначала блаженный Августинъ обучался въ Мадаврѣ, потомъ въ Карѳагенѣ. Наука краснорѣчія его не удовлетворяла. Онъ ощущалъ въ себѣ необходимость вѣры и искалъ истины. Августинъ думалъ найти ее въ ученіи манихеянь, метафизикою которыхъ, утонченною и исполненною чудесъ, плѣнялся его умъ. Мать Августина, несочувствующая сектѣ, умоляла христіанскихъ епископовъ посѣщать ея сына и обратить его къ истинной вѣрѣ. Одинъ изъ епископовъ сказалъ ей слѣдующія прекрасныя слова: „Иди съ миромъ и не переставай только молиться, ибо невозможно, чтобы столь оплакиваемое чадо обречено было погибели“.

Блаженный Августинъ возвратился къ матери въ Тагастъ, гдѣ сталъ обучать риторикѣ. Скорбь о кончинѣ одного изъ друзей побудила Августина удалиться изъ этого города. Онъ опять пришелъ въ Карѳагенъ, гдѣ сталъ учителемъ краснорѣчія, манихеяниномъ, не совершенно еще обращеннымъ, и философомъ, увлекавшимся удовольствіями міра. Сомнѣнія его въ вѣрѣ увеличились послѣ собесѣдованій съ однимъ учителемъ манихейской секты.

Извѣстно, что блаженный Августинъ, утомленный всѣмъ, прибылъ въ Римъ, а оттуда въ Миланъ, куда Симмахъ отправилъ его учить краснорѣчію. Извѣстно, что онъ, глубоко пораженный словами св. Амвросія, удалился въ уеди-

неніе и, наконецъ, утвердилъ такъ долго мятущейся умъ свой и сердце въ вѣрѣ Иисусовой. И что въ мірѣ языческомъ могло удержать подобнаго генія! Въ порядкѣ гражданскомъ все было порабошено и унижено; одна религія была свободна и побѣдоносна. Августинъ, состоя риторомъ въ Миланѣ, имѣлъ случай произнести похвальное слово правящему консулу. Какое ничтожное поприще для его краснорѣчія! Христіанство, напротивъ того, питало душу Августина высокими созерцаніями, наполняло ее идеальной любовью, которой Августинъ искалъ даже среди чувственныхъ удовольствій, и обѣщало ему величайшее наслажденіе повелѣвать душами.

Должно искать въ собственныхъ сочиненіяхъ блаженнаго Августина и въ самомъ оригинальномъ изъ нихъ, въ его Исповѣди (*confesjiones*), первую половину его жизни, которая заключаетъ исторію его страстей и мыслей. Представляя ихъ здѣсь, мы обезобразили бы эти сильныя и откровенныя черты души челоуѣколюбивой и нѣжной, увлекаемой, но неудовлетворяемой удовольствіями, утомляемой славой, волнуемой самымъ ученіемъ и всюду преслѣдуемой надеждою блаженства и истины. Подобное состояніе души есть недугъ людей, одаренныхъ геніемъ. Во время разрушенія общества, когда нѣтъ ни свободы, ни отечества, ни страсти къ изящнымъ искусствамъ, когда обыкновенныя души гибнутъ въ несчастіи или погружаются въ матеріальность грубаго благосостоянія, умы, стоящіе выше этого пресмыкающагося племени, стремятся въ другой міръ. Спиритуализмъ рождается отъ отчаянія или отвращенія отъ міра; и такъ какъ общественная жизнь не представляетъ въ себѣ ничего великаго, то пламень генія, удѣлъ немногихъ людей, возноситъ ихъ за предѣлы земного и заставляетъ блуждать въ мистическихъ созерцаніяхъ. Эти мужи становятся эңгузіастами небеснаго, потому что земля не представляетъ ничего достойнаго для ихъ дѣятельности. Душа ихъ, рожденная для дѣятельности, невольно избираетъ для себя поприщемъ безконечное.

Самъ Августинъ картинно описалъ намъ состояніе своей души. Съ нѣкотораго времени онъ еще болѣе прежняго сталъ увлекаться мыслями: посѣщалъ христіанскіе храмы и читалъ посланія Апостоловъ. Воображенію его часто пред-

ставлялся примѣръ Викторина, подобно ему знаменитаго риторика, который въ царствованіе Юліана скорѣе согласился оставить свою школу, чѣмъ измѣнить вѣрѣ. Послѣдній рѣшительный ударъ нанесло душѣ Августина повѣствованіе одного изъ его соотечественниковъ о посѣщенныхъ имъ въ Египтѣ отшельникахъ. Но послушаемъ самого Блаженнаго Августина“. „Въ состояніи ужасной душевной борьбы, мужественно мною предпринятой съ своимъ сердцемъ, я въ смущеніи схватилъ за руку Алипія и воскликнулъ: „Гдѣ мы? что происходитъ съ нами? что слышалъ ты въ этотъ часъ? невѣжды спѣшатъ и предвосхищаютъ небо, а мы съ нашими познаніями, но безъ души, погрязнемъ въ плоти и крови. И неужели постыдно слѣдовать за ними отъ того только, что они предупредили насъ? Непостыднѣ ли не имѣть даже силы итти по ихъ слѣдамъ?“ Я высказалъ еще нѣсколько подобныхъ, но мною уже забытыхъ мыслей, и быстро удалился отъ Алипія въ то время, какъ онъ молчалъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня; мое лицо, глаза и самый голосъ сильнѣе словъ выражали состояніе моей души“.

„При домѣ, гдѣ мы жили, былъ небольшой садикъ, который за отсутствіемъ хозяина находился въ нашемъ распоряженіи. Душевное волненіе увлекло меня въ это мѣсто, гдѣ никто не могъ прервать начавшейся во мнѣ борьбы съ самимъ собою, борьбы, которой Ты, о Боже мой, вѣдалъ конецъ, мнѣ неизвѣстный“.

„Итакъ, я пришелъ въ этотъ садъ. Алипій послѣдовалъ за мной. Я не могъ считать себя однимъ съ самимъ собою, пока онъ былъ со мной, но могъ ли онъ оставить меня въ такомъ смятеніи? Мы сѣли въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ отъ дома. Я трепеталъ душою и сильно негодовалъ на себя за то, что медлил устремиться въ новую жизнь, въ которую призывалъ меня Господь и въ которую влекло меня все существо мое“.

Блаженный Августинъ изобразилъ эту внутреннюю трагедію души съ глубокимъ чувствомъ и простодушною откровенностію, весьма рѣдкою въ древности. Нигдѣ такъ ясно не представляется намъ характеръ размышленія и грусти, развиваемой въ челоуѣкѣ христіанскою религіею. Кажется, никто еще не умѣлъ такъ рассказать анекдотической исто-

ріи сердца, уловить самыя неопредѣленныя его желанія, самыя измѣнчивыя ощущенія.

„Алипій, сидя возлѣ меня, ожидалъ въ безмолвіи конца этого чрезвычайнаго волненія. Но когда внимательное размышленіе открыло мнѣ всю бѣдность души моей и живо представило ее моимъ очамъ, тогда я почувствовалъ въ себѣ начало внутренней бури, отягченной дождемъ слезъ. Я удалился отъ Алипія, чтобы не помѣшать разразиться этой бурѣ; уединеніе, казалось мнѣ, благоприятнѣе для слезъ. Я отошелъ довольно далеко, чтобы его присутствіе не помѣшало мнѣ. Въ такомъ состояніи былъ я тогда, и Алипій понялъ это. Я сказалъ ему нѣсколько словъ, но голосъ мой уже ослабѣлъ отъ слезъ. Алипій всталъ и остановился недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли ранѣе. Онъ былъ неподвиженъ отъ изумленія. Невольно я упалъ на землю подъ смоковницею и далъ волю слезамъ. Онѣ бѣжали, какъ источники, какъ жертва благоприятная Тебѣ, о, Боже мой, не словами, но мысленно я возсылалъ къ Тебѣ свои моленія: „О, Господи, доколѣ будетъ гнѣвъ Твой на меня! не помяни древнихъ моихъ беззаконій!“ Я чувствовалъ, что они еще удерживаютъ меня. Наконецъ я невольно произнесъ слова, достойныя состраданія: Когда же? въ какой день? завтра, послѣ завтра! Для чего не теперь! почему часъ этотъ не будетъ послѣднимъ часомъ моего поношенія“.

„Такъ говорилъ я самъ себѣ и плакалъ въ сердечномъ сокрушеніи. Вдругъ слышу дѣтскій голосъ, какъ бы поющій: „возьми и читай, возьми и читай“. Измѣняясь въ лицѣ, я старался припомнить, нѣтъ ли въ дѣтскихъ играхъ такого привѣта, и, увѣрившись, что прежде не слыхалъ его, пересталъ плакать; всталъ съ своего мѣста, уразумѣвъ, что это Божіе велѣніе взять книгу и прочитатъ первую главу, которая мнѣ откроется“.

„Я прежде слышалъ, что св. Антоній призванъ былъ гласомъ Евангелія, во время чтенія котораго онъ нечаянно услышалъ и обратилъ къ себѣ слѣдующія читанныя тогда слова: „Поиди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и получишь сокровище на небеси“ (Матѣ. XIX, 21). Твое велѣніе, о Боже мой, немедленно обратило его къ Тебѣ!“

„Тогда скорыми шагами возвратился я къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Алипій. Тамъ раньше я оставилъ книгу Апостоль-

скихъ посланій. Взявъ ее и раскрывъ въ молчаніи, прочелъ я слѣдующія строки открывшейся мнѣ главы: „Не предавайтесь пированіямъ и пьянству, сладострастію и распутству, распрямя и зависти; но облекитесь въ Господа нашего Иисуса Христа и попеченія о плоти не простирайте до похотей“ (Римл. XIII). Я не хотѣлъ читать далѣе,—мнѣ болѣе было не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, едва окончилъ я этотъ періодъ, въ сердцѣ моемъ разлился свѣтъ увѣренности, и мракъ сомнѣній исчезъ. Тогда, замѣтивъ рукою это мѣсто въ посланіяхъ, я закрылъ книгу и показалъ ее Алипію“.

Столь пылокое и вмѣстѣ краснорѣчивое чувство набожности даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ, какой энтузіазмъ вносилъ блаженный Августинъ въ самую религію. При всемъ томъ онъ оказалъ большое хладнокровіе, исполняя свое намѣреніе удалиться отъ міра. Несмотря на болѣзненную слабость въ груди, онъ дождался вакантнаго времени Миланской школы; и тогда, предупредивъ первѣйшихъ гражданъ, чтобы они озаботились найти ему преемника, удалился въ загородный домъ съ своею матерью и прижитымъ внѣ брака сыномъ Адеодатомъ, съ двумя друзьями, Алипіемъ и Небридомъ, и двумя юношами, которыхъ желалъ воспитать. Это небольшое общество проводило время въ размышленіяхъ, прогулкахъ и бесѣдахъ о религіозной философіи.

Блаженный Августинъ въ уединеніи много писалъ, занимаясь вмѣстѣ и образованіемъ своихъ питомцевъ. Первое сочиненіе его было трактатъ, написанный для опроверженія Академической секты, совершенно несогласной съ состояніемъ его души. Послѣ онъ писалъ о счастливой жизни, почитая себя, наконецъ, достигшимъ ея, и о порядкѣ, т. е. о Провидѣніи.

Его сочиненія имѣютъ форму разговоровъ. Участвующими въ нихъ представляетъ блаженный Августинъ двухъ своихъ друзей или юныхъ своихъ питомцевъ. Подробности этихъ бесѣдъ исполнены особенной прелести; онѣ начинались иногда въ комнатѣ омовенія, иногда во время прекраснаго солнечнаго сіянія зимою на ближнемъ отъ дома лугу. Часто бесѣды эти прерывались чтеніемъ по книгѣ Виргилія. Блаженный Августинъ еще позволялъ себѣ въ то время

привлекающія занятія. Пламенная живость юношей, пылкость ихъ возраста, столь противоположная съ важностію ихъ ученія, небольшіе споры и порывы самолюбія, все выражено тамъ съ очаровательнымъ искусствомъ. Блаженный Августинъ призываетъ къ этимъ бесѣдамъ свою родительницу, въ которой онъ замѣчалъ рѣдкую пронизательность въ философіи. Самъ возвышенно и отвлеченно говоритъ о Богѣ, душѣ, истинѣ, подчиняя все христіанской вѣрѣ и нравственности.

„Богъ“—говоритъ Блаженный Августинъ—„не услышитъ насъ, если мы не будемъ добродѣтельны; итакъ станемъ молить его не о богатствѣ, не о почестяхъ, не о вещахъ тлѣнныхъ, исчезающихъ при малѣйшемъ препятствіи, но о благахъ духовныхъ, которыя могутъ сдѣлать насъ добрыми и блаженными. А чтобы моленія наши возсылались со всею горячностію, то я прошу объ этомъ тебя, мать моя, къ молитвамъ которой имѣю совершенную довѣренность, и надѣюсь, что Богъ, услышавъ тебя, такъ расположитъ душу мою, что для меня всего драгоценнѣе будетъ познаніе истины, и она будетъ первымъ предметомъ моихъ мыслей и желаній“.

Въ другомъ твореніи того же времени, имѣющемъ необыкновенную форму и называемомъ Единособесѣдованіе, Августинъ бесѣдуетъ съ разумомъ, нигдѣ нельзя видѣть столько утонченной діалектики и мечтательности. Отвлеченность африканскаго воображенія смѣшивается здѣсь съ нѣкоторымъ простодушнымъ любопытствомъ. „Я желаю“—говоритъ онъ—„познать Бога и душу“; и слышитъ голосъ разума, отвѣчающій ему: „Ужели ты не хочешь знать ничего болѣе?“ Впрочемъ, геній африканскаго философа озаряетъ нѣкоторыми лучами свѣта эти великіе вопросы. Есть нѣчто возвышенное въ его способѣ доказывать безсмертіе чрезъ безсмертную натуру истины, святилище и судія которой—наша душа.

Таковы были размышленія Блаженнаго Августина, готовящагося принять христіанскую вѣру. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи, онъ съ сыномъ своимъ и Алипіемъ прибылъ опять въ Миланъ и былъ крещенъ св. Амвросіемъ. Тогда рѣшился онъ возвратиться съ семействомъ и друзьями своими въ Африку и пришелъ въ Остію, чтобы отсюда

отправиться моремъ; но мать Августина заболѣла въ этомъ городѣ и чрезъ нѣсколько дней скончалась. Скорбь Августина была чрезмѣрная. Сначала онъ отложилъ свое путешествіе и остановился на нѣкоторое время въ Римѣ, гдѣ сочинилъ трактатъ объ обычаяхъ Римской церкви и писалъ противъ монахейнъ, вѣрованія которыхъ такъ долго изучать.

Когда побѣда Θεодосія надъ Максимомъ возстановила миръ въ Имперіи, Августинъ отправился моремъ въ Африку, и послѣ недолгаго пребыванія въ Карфагенѣ удалился въ свою отчизну, Тагастъ, въ свое помѣстье. Тамъ съ своими друзьями онъ совершенно предался благочестивымъ размышленіямъ и молитвѣ. Живя созерцательною жизнью. Блаженный Августинъ не искалъ священства; но въ то время, когда онъ пришелъ въ Иппонію, тамошній епископъ, родомъ грекъ, затруднявшійся проповѣдываніемъ на латинскомъ языкѣ, рѣшилъ рукоположить его въ пресвитеры, чтобы имѣть въ немъ краснорѣчиваго помощника.

Весьма понятно, что писанія Блаженнаго Августина, уже славныя въ Западной церкви, приобрѣли ему великое уваженіе среди новообращенныхъ христіанъ небольшого Африканскаго городка. Обитатели Иппоніи, несмотря на отказъ Блаженнаго Августина, требовали, чтобы онъ данъ былъ имъ пресвитеромъ. Епископъ Валерій поручилъ ему проповѣдывать вмѣсто себя въ своей кафедральной церкви, подобно какъ Флавіанъ возложилъ эту обязанность на св. Златоуста. Блаженный Августинъ говорилъ съ необыкновеннымъ чувствомъ и, проповѣдуя, часто самъ проливалъ слезы умиленія. Бесѣды его, одушевленные живыми изображеніями, сильно дѣйствовали на умы африканцевъ. Такъ, однажды, убѣжденіями своими удержавъ народъ въ храмѣ въ тотъ день, когда обыкновенно отправлялось буйное пиршество на гробахъ мучениковъ, онъ совершенно уничтожилъ этотъ нечестивый обычай. Въ то же время онъ занимался обученіемъ дѣтей, облегчалъ участь рабовъ и чрезъ переписку былъ въ сношеніи съ различными христіанскими обществами въ Африкѣ.

Валерій, приблизясь къ глубокой старости, назначилъ Августина своимъ коадьюторомъ съ званіемъ епископа. Августинъ не переставалъ управлять Иппонійскою паствою.

Подавая самой жизнью свидѣтельство своей вѣры, онъ построилъ страннопріимный домъ, ввелъ въ обычай ежедневное раздаваніе одежды бѣднымъ и продалъ однажды священные сосуды для выкупа плѣнныхъ.

Августинъ рѣдко оставлялъ Иппонію, и то для того, чтобы ходить въ Карфагенъ или Мадаврію, въ которыхъ часть жителей была еще предана язычеству. Но живя въ такомъ тѣсномъ кругу, онъ обращалъ взоры на весь христіанскій міръ и для него трудился. Трудно объять вполне пламенную дѣятельность его служенія. Августинъ занимался множествомъ предметовъ: нравственною проповѣдью, философическими состязаніями съ языческими мудрецами, еретиками и православными учителями своей паствы.

Блаженный Иеронимъ, сочиненія котораго Августинъ подвергалъ осужденію, писалъ къ нему съ Востока: „Не вызывай на брань отдыхающаго отъ трудовъ старца, который давно уже пересталъ подвизаться. Ты еще юный лѣтами, возсѣдая на святительскомъ престолѣ, паси народъ и обогашай Римъ африканскою жатвою. Мнѣ же остается, въ убогой монастырской келліи, повторять слова за писцомъ или послушникомъ“.

Блаженный Августинъ подавалъ собою примѣръ строгой иноческой жизни, столь обычной на востокѣ. Быстро размножились въ Африкѣ монастыри. Въ нѣкоторыхъ монашествовавшая братія жила трудами своихъ рукъ, слѣдуя словамъ Апостола Павла: „Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“. (Солун. III. II). Но большая часть иноковъ пребывала въ праздности, оправдывая ее словами Евангелія: „Взгляните на птицъ небесныхъ, онѣ не сѣютъ, ни жнутъ; посмотрите на полевыя лиліи, онѣ не трудятся и не прядутъ“. (Мате. VI. 26—28). Въ одномъ изъ своихъ сочиненій блаженный Августинъ порицаетъ эту набожную праздность иноковъ, противопоставляя ей труды и подвиги святительскаго сана.

Болѣе всего Августинъ возставалъ и трудился противъ манихеянъ и донатистовъ. Въ эту эпоху необычайнаго пристрастія къ богословію городокъ Иппонія, населенный убогими береговыми жителями и нѣсколькими римскими семействами, сдѣлался схоластическою сценою, на которую выходили манихейскіе учителя, чтобы состязаться съ знамени-

тымъ святителемъ. На этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ съ живымъ интересомъ присутствовалъ весь народъ. Публичные писцы записывали вопросы и возраженія. Манихеяне были ничто иное, какъ мистики и иллюминаты. Соблюдая пифагорейское воздержаніе въ пищѣ, они не вкушали ничего изъ царства животнаго. Заблужденія ихъ, большею частію, были невинныя. И хотя въ правленіе Θεодосія и его сыновей изданы были противъ манихеянъ строгіе указы, не видно однако, чтобы сами они мстили за эти гоненія. Но донатисты, болѣе многочисленные и не такіе кроткіе, часто были причиною кровопролитія въ Африкѣ, гдѣ возникла эта ересь.

Кромѣ этихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ Африкѣ находилось большое число язычниковъ.

Несмотря на воспретительные законы императоровъ, тамъ еще существовали храмы и жрецы и приносились жертвы.

Нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ еще носили печать пуническаго варварства и, смѣшиваясь въ народныхъ понятіяхъ съ воспоминаніями о временахъ, предшествовавшихъ завоеванію римлянъ, сохранялись во многихъ городахъ, какъ остатки независимости и патріотизма.

Африканскіе язычники даже туземнымъ христіанамъ давали имена римлянъ. Уже одно это обстоятельство объясняетъ намъ сопротивленіе ихъ вѣрѣ, которая казалась имъ вѣрою ихъ побѣдителей.

Язычество, невѣжественное и грубое въ народѣ, среди людей образованныхъ было вѣрованіемъ болѣе возвышеннымъ. Творенія блаженнаго Августина представляютъ этому любопытныя доказательства. Обращая менѣе вниманія на язычниковъ, чѣмъ на донатистовъ, блаженный Августинъ имѣлъ однако частыя собесѣдованія съ первыми и даже иногда раздѣлялъ съ ними свою трапезу. Любовь къ наукамъ сближала его съ нѣкоторыми мужами, ревностными послѣдователями греческой философіи и баснословной учености.

Но языческій народъ не постигалъ въ своей религіи ничего духовнаго и умственнаго. Въ городѣ Суффектѣ, въ Нумидіи, шестьдесятъ человѣкъ христіанъ были преданы смерти въ отмщеніе за то, что они испровергли статую Геркулеса.

Въ самой Иппоніи язычники въ праздничный день напали на христіанскую церковь. Блаженный Августинъ во время своего служенія, нѣсколько укротилъ свирѣпыя нравы жителей. Въ то же время онъ очень противился ревности нѣкоторыхъ христіанъ, которые изъ корыстолюбія пламенно желали разрушать храмы, сокрушать идоловъ, истреблять священныя дубравы для того, чтобы воспользоваться добычею. Словомъ и примѣромъ своимъ святитель проповѣдывалъ миръ. Среди этой жестокой борьбы сектантовъ, Августинъ уважаемъ былъ во всей Африкѣ.

Въ Имперіи отъ одного конца до другого умы увлекались чрезвычайною страстію къ религіямъ: ученики Златоуста претерпѣвали гоненія въ Греціи, остатки аріанства волновали Галлію и Италію, буйства угнетаемыхъ донатистовъ орошали кровію Африку, а юные греки и римляне повсюду проводили время праздно погруженными въ созерцаніе и молитву. Въ это время изъ нѣдръ сѣвера на коняхъ и военныхъ колесницахъ устремились дикіе, неумолимые люди, жаждущіе разрушенія. Предъ собою они гнали народъ робкій. Обращенные, но еще не усвоившіе новаго ученія, эти пришельцы въ грубомъ своемъ христіанствѣ, порождавшемъ духъ нетерпимости, предавали огню города и храмы. Съ своимъ вождемъ Аларихомъ они были у воротъ Рима.

Дважды этотъ военачальникъ бралъ съ Рима выкупъ и дарилъ ему свободу. Онъ далъ ему и царя, въ то время, какъ слабый Гонорій, въ императорской своей багряницѣ, скрывался въ Равеннѣ. Наконецъ Аларихъ, наскучивъ играть Римомъ, сокрушилъ его. Странное дѣло! Предъ этимъ послѣднимъ ударомъ весь почти Римъ снова сталъ языческимъ. Страхъ влекъ жителей къ древнимъ идоламъ. Воспрещенные Феодосіемъ и Граціаномъ обряды появились всенародно. Римскій префектъ призвалъ тосканскихъ аруспиціевъ, а послѣдній изъ консуловъ, жалкій призракъ древней республики, возобновилъ авгуральные обряды въ день своего вступленія. Въ то же самое время (410) Римъ былъ взятъ приступомъ и преданъ мечу и разграбленію. Оставалось одно надежное убѣжище—церкви христіанъ.

Должно замѣтить, какъ особенную черту этой эпохи, то впечатлѣніе, которое произведено было бѣдствіемъ на всѣ христіанскіе народы. Многія знаменитыя семейства бѣжали

въ Африку и Азію и принесли съ собою живую вѣсть о великомъ злополучіи; но міръ, міръ Римскій, составленный изъ побѣжденныхъ, услышалъ эту вѣсть съ чувствомъ нѣкоторой радости. Духъ христіанства, покрывая древнюю вражду народовъ, восторжествовалъ при сокрушеніи города, наполненнаго кровью мучениковъ.

Чувство это примѣтно и въ самой скорби, краснорѣчиво выраженной Иппонійскимъ епископомъ во многихъ словахъ, произнесенныхъ имъ въ эпоху бѣдствій. Но всѣ не христіане складывали вину бѣдствія имперіи на христіанъ и вспоминали древнее благополучіе Рима подъ стѣнію его боговъ. Блаженный Августинъ, съ любовію и великодушіемъ принимавшій въ Африкѣ всѣхъ бѣжавшихъ отъ губительнаго покоренія столицы, пожелалъ, какъ самъ извѣщаетъ, отвѣтить на эти упреки огромнымъ историческимъ и философическимъ сочиненіемъ. Это любопытное произведение гения и глубокой учености подъ названіемъ „Градъ Божій“, есть живая параллель двухъ гражданственностей, предшествовавшихъ среднимъ вѣкамъ и умершихъ въ борьбѣ между собою.

Въ этомъ сочиненіи съ чувствомъ христіанскаго самоотверженія онъ осуждаетъ всѣ подвиги ненасытнаго самолюбія, завоеванія, славу. Твореніе это есть, такъ сказать, надгробное слово Римской Имперіи, произнесенное въ мирной обители иноковъ. Когда путешественникъ новѣйшихъ временъ является въ Римъ, воображенію его представляются величайшія противоположности. Онъ видитъ крестныя ходы иноковъ — на форумѣ, слышитъ пѣніе псалмовъ — близъ мѣстъ, на которыхъ ораторствовали Цицеронъ и Цезарь. Онъ открываетъ подъ новымъ Римомъ, населеннымъ иноземцами, могущественный и дѣятельный древній Римъ, отъ котораго остались однѣ развалины и надгробія; въ столь чудесномъ переворотѣ онъ усматриваетъ также величіе духовнаго владычества, принадлежавшее Риму христіанскихъ первосвященниковъ и нынѣ сокрушеннаго подобно первому. Такъ представляется намъ и въ твореніи Блаженнаго Августина. Безъ сомнѣнія, печать времени проявляется на немъ во множествѣ отвлеченныхъ доказательствъ и мистическихъ типерболя. Пламеннымъ убѣжденіемъ сочинителя одушевлено все твореніе, и это убѣжденіе есть смертный приго-

воръ древней гражданственности. Не много существуетъ книгъ, въ которыхъ можно было бы найти столько драгоценныхъ подробностей о нравахъ и философіи древнихъ. Но насъ поражаетъ другой предметъ, несравненно важнѣйшій. Мы смотримъ на этотъ Градъ Божій, сооружаемый въ рою народовъ въ замѣну всѣхъ выгодъ славы и отечества, и тогда становится для насъ ясною необходимостью разрушенія Имперіи; потому что вся нравственная сила образованнаго міра обращена была на самоуглубленіе и уступала вселенную варварамъ. Предпринявши этотъ обширный трудъ, Блаженный Августинъ былъ также главнымъ дѣятелемъ на большомъ соборѣ, созванномъ въ Кароагенѣ. Засѣдавшіе здѣсь 600 епископовъ раздѣлились на двѣ равныя партіи каеоликовъ и донатистовъ. Блаженный Августинъ, глава первыхъ, предлагалъ оставить престоль святительскій, если будетъ побѣжденъ своими соперниками на состязаніяхъ; имъ же обѣщаль сохраненіе ихъ достоинства и почестей, независимо отъ успѣха. Едва прекратились эти пренія, какъ Блаженный Августинъ ревностно возсталъ противъ ереси Пелагія. Ересь эта, любопытный памятникъ схоластики, мистическій лабиринтъ фанатизма и свободы, внезапно возникла въ промежутокъ нашествій готѣвъ и вандаловъ. Блаженный Августинъ со всѣмъ жаромъ своего генія и вѣры усиленно боролся съ ученіемъ Пелагія, которое принялъ было и Римскій первосвященникъ.

Африканскій соборъ, согласно съ мнѣніемъ Бл. Августина, осудилъ новое ученіе, которое англійскій монахъ Пелагій проповѣдывалъ въ Іерусалимѣ благороднымъ римлянкамъ, спасшимся отъ варваровъ, громившихъ Италію. Но въ то время, какъ учителя Африки все свое вниманіе обращали на эти пренія, Западная Имперія, отъ которой отдѣленъ былъ Римъ, повсюду распадалась. Готы владычествовали въ Греціи и надъ половиною Италіи; вандалы опустошали Испанію; франки громили предѣлы Галліи; наконецъ приближались въ грозномъ шествіи своемъ гунны истребить и народы образованные и народы варварскіе.

Африка не могла избѣгнуть этихъ бичей. Графъ Вонифатій, правитель области и одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Имперіи, былъ оклеветанъ предъ Раввенскимъ дворомъ, въ которомъ пронырства и подозрѣнія умножались

вмѣстѣ съ слабостью. Римскій правитель, по кончинѣ своей супруги, сначала хотѣлъ постричься въ монахи, но раздумавъ и вскорѣ вступилъ въ бракъ съ дочерью Гензериха, царя вандаловъ, поселившихся въ Испаніи. Этотъ союзъ еще болѣе усилилъ негодованіе двора, который отрѣшилъ Вонифатія; а когда онъ отказался повиноваться, то дворъ объявилъ его врагомъ Имперіи. Оскорбленный римлянинъ обнажилъ мечъ и призвалъ вандаловъ. Весной 418 года варвары приплыли въ Африку на судахъ, которые имъ были даны Римскимъ правителемъ. Они завладѣли Мавританіею, которую имъ уступилъ Вонифатій; но вскорѣ, недовольные добычею, начали опустошать сосѣднія страны и угрожали нашествіемъ всей области, бывшей въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Для исторіи ничего не можетъ быть любопытнѣе увѣщаній блаженнаго Августина этому Римскому военачальнику, который, увлекаемый честолюбіемъ и гнѣвомъ, губилъ свою отчизну. Мы видимъ, какое сильное, непонятное вліяніе имѣла тогда религія на людей, буруемыхъ самыми пылкими страстями. Послѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ благочестивыхъ выраженій, Августинъ въ слѣдующихъ словахъ доходитъ до пагубнаго отступничества отъ вѣры Африканскаго правителя.

„Вспомни“—говорить блаженный Августинъ Вонифатію— „какимъ ты былъ при жизни блаженной памяти твоей супруги и въ первые дни по ея отшествіи. Какъ тяготился ты всѣми прелестями міра и какъ пламенно желалъ служенія Господу! Мы сами тому были свидѣтелями, мы которымъ ты открывалъ тогда душу твою и всѣ тайныя твои помышленія. Я и братъ мой Алипій, мы одни были тогда съ тобою. Не думаю я, чтобы житейскія заботы, которыми ты обремененъ, могли совершенно истребить все это изъ твоей памяти. Ты хотѣлъ тогда отказаться отъ всѣхъ твоихъ общественныхъ должностей, чтобы жить въ томъ святомъ уединеніи, въ которомъ отшельники міра посвящаютъ себя Богу“.

„Кто же отвратилъ тебя отъ этого намѣренія? Не внушенная ли нами тебѣ мысль, что ты несравненно полезнѣе будешь церкви, продолжая защищать ее отъ варваровъ, если, охраняемый шитомъ строгаго воздержанія и оружіемъ

духовнымъ, крѣпчайшимъ и надежнѣйшимъ окружающаго тебя оружія временнаго, самъ будешь пользоваться благами міра столько, сколько нужно для поддержанія твоей жизни“.

Напомнивъ Вонифатій его обѣты, преданные имъ забвенію, блаженный Августинъ съ искусною осторожностью касается измѣны правителя: „Что же сказать о злополучіи, посѣтившемъ Африку, о хищничествѣ варваровъ, во время которыхъ ты, удерживаемый семейными дѣлами, не предпринимаешь ничего для отвращенія этихъ бѣдствій? Какой робкій человѣкъ могъ бы подумать, что варвары сдѣлаются такими дерзновенными и распространять такъ далеко свои завоеванія, опустошать такое множество населенныхъ мѣстъ, въ то время, какъ Вонифатій, великій сановникъ Имперіи, начальникъ Африки, облеченный неограниченной властью, находится въ этой области, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ! Всѣ надѣялись, когда ты принималъ власть, что варвары не только будутъ побѣждены, но и сдѣлаются данниками Рима! Теперь ты видишь, какъ жестоко всѣ и каждый обманулись въ своихъ надеждахъ, и мнѣ нѣтъ нужды пространнѣе говорить тебѣ о томъ, потому что въ этомъ случаѣ мыслямъ твоимъ представится гораздо болѣе, нежели я хочу и могу выразить“.

Блаженный Августинъ возстаетъ противъ негодованія этого военачальника на императора. Негодованію его онъ противопоставляетъ не важность политической обязанности и вѣрности престолу, а одно прощеніе обидѣ повелѣваемое Евангеліемъ. „Не желай“—говоритъ онъ ему—„быть однимъ изъ тѣхъ бичей, черезъ которыхъ Богъ караетъ народы, заслуживающіе Его наказанія! Подумай, что вѣчныя муки ожидаютъ нечестивцевъ, которые являются орудіями временной кары! Обратись къ Богу, посмотри на Иисуса, столь много благодѣтельствовавшаго міру и столь много въ мірѣ пострадавшаго. Всѣ, хотящіе быть наслѣдниками Его царствія, любятъ своихъ враговъ, благотворятъ ненавидящимъ ихъ, молятся за обижающихъ ихъ. Если ты получилъ отъ Римской Имперіи какія либо блага, хотя земныя и тлѣнныя,—потому что она можетъ даровать только то, что сама имѣетъ,—то не воздавай зломъ за добро; если же, напротивъ, получилъ отъ нея заслуженныя тобою оскорбленія, то не

воздавай зломъ за зло! Я не буду изслѣдовать и не хочу судить, которое изъ этихъ предположеній справедливо; я говорю съ христіаниномъ и говорю ему: не отдавай зломъ за добро, ни зломъ за зло!“

Эти мысли христіанскаго совершенства, однѣ могущественныя въ ту эпоху, сильно подѣйствовали на душу Римскаго военачальника. Онъ расторгъ преступный союзъ и, подчинивъ себя власти императора, обнажилъ мечъ для изгнанія вандаловъ. Война была жестокая. Варвары, одушевляемые ненавистію септантовъ, ненавистію, которая была для нихъ предлогомъ къ грабежу и неистовствамъ, опустошили весь берегъ Африки, на которомъ процвѣтало множество торговыхъ городовъ. Только три: Карфагенъ, Иппонія и Цирта избѣгли ихъ опустошеній.

Среди этого хаоса бѣдствій Августинъ представлялъ высокіе примѣры и христіанской любви. Одно изъ его посланій, вѣрнѣе всякаго повѣствованія, даетъ намъ понятіе о злополучіи Африки. Оно было писано къ священникамъ, спрашивавшимъ: позволительно ли имъ бѣжать и оставлять своихъ прихожанъ во время приближенія враговъ. Августинъ отвѣчалъ, что пресвитеры должны удалиться съ народомъ и послѣ народа. „Нужно оставаться имъ до послѣдняго часа, опасности, когда вѣрныя во множествѣ толкуются у вратъ церковныхъ, одни требуя крещенія, другіе отпущенія грѣховъ, всѣ—утѣшенія и небесной помощи“. Такова картина этого общества, погибавшаго подъ ударами варваровъ.

Блаженный Августинъ возстаетъ потомъ противъ тѣхъ священнослужителей, которые, изъ чувства самосохраненія, ставили, предлогомъ удаленія необходимость сохранить пресвитеровъ для остального народа.—„Зачѣмъ“—пишетъ онъ—„должны мы предполагать, что въ общемъ для всѣхъ бѣдствій погибнуть отъ меча вражескаго всѣ пастыри, а не всѣ, пасомые? Почему не надѣяться, что время это переживутъ нѣкоторые изъ мірянъ, равно какъ и нѣсколько священнослужителей для ихъ напутствованія! Впрочемъ, если уже необходимость заставляетъ разсуждать о томъ, кому изъ служителей алтарей Господнихъ бѣжать и кому оставаться, чтобы церковь не вдовствовала совершенно и удаленіемъ и смертію всѣхъ своихъ пастырей, то разсужденіе

объ этомъ, по моему мнѣнію, должно рѣшиться жребіемъ, который да назначить тѣхъ, которые могутъ удалиться и тѣхъ, которые должны остаться“.

Блаженный Августинъ самъ поступилъ по преподанному имъ совѣту самоотверженія: онъ рѣшился не оставлять Иппоніи, осажденной варварами, и затворился въ городѣ, гдѣ правитель Африки, не столь счастливый въ войнѣ противъ вандаловъ, сколько прежде былъ счастливъ въ своемъ возстаніи противъ Имперіи, искалъ себѣ спасенія съ малочисленными остатками своего войска.

Блаженный Августинъ, имѣвшій въ то время 76 лѣтъ отъ рожденія, оказывалъ помощь сражающимся и раненымъ и оживлялъ ихъ своею вѣрою. Имя его было въ уваженіи у самыхъ вандаловъ. Они слабо нападали на стѣны, защищаемыя благочестивымъ святителемъ и вскорѣ потомъ освященные его кончиною. Въ третій мѣсяць осады, изнуренный безпокойствами и трудами, Блаженный Августинъ скончался, съ душою, истерзанною бѣдствіями отчизны, и взорами, устремленными на тотъ небесный градъ, о которомъ написалъ исполненное чудесъ повѣствованіе.

Въ слѣдующемъ году Карѳагенъ былъ взятъ и разрушенъ Гензерихомъ. Такъ исчезла вторая Восточная церковь, достопамятная своею ученостію и волновавшими ее раздорами. Она простиралась отъ Карѳагена до необитаемыхъ пустынь. Блаженный Августинъ былъ послѣднимъ великимъ мужемъ Африки. Затѣмъ началась эпоха варварства.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы едвали упомянули и о половинѣ твореній Блаженнаго Августина. Мы могли привести на память только тѣ важнѣйшія черты его краснорѣчія, которыя составляютъ часть его подвиговъ или изображаютъ эпоху, въ которую онъ жилъ. Для насъ достаточно замѣтить въ обширныхъ его сочиненіяхъ и различныхъ богословскихъ состязаніяхъ, тотъ характеръ религіозной всеобщности, которая въ новѣйшія времена повторилась въ Боссюэтѣ. Дѣйствительно, не взирая на неравное достоинство твореній этихъ мужей, невзирая на все, что ржавчина IV вѣка примѣшивала къ генію Блаженнаго Августина, только жизнь и подвиги Боссюэта могутъ дать намъ полное понятіе объ Иппонійскомъ святителѣ. Но Блаженный Августинъ, жившій во времена гибельныхъ переворотовъ и

безпорядка, имѣлъ необходимость въ характерѣ, болѣе дѣятельномъ и сильномъ, а воображеніе его, смущаемое великими злополучіями, было столь же неправильно, сколь возвышенно воображеніе Боссюэта.

Эти два мужа, отдаленные другъ отъ друга разстояніемъ лятнадцати вѣковъ, ознаменовали печатію своего гения двѣ великія эпохи человѣчества. Въ сочиненіяхъ епископа Иппонійскаго мы не находимъ изящества слога и прелестей краснорѣчія христіанской Азіи: онъ проповѣдывалъ не въ Антиохіи, не въ Кесаріи. Слогъ Августина болѣе важный, чѣмъ обработанный; онъ часто былъ варварскимъ, но, несмотря на это, не простымъ слогомъ; потому что въ варварствѣ народа, стремящагося къ паденію, всегда есть нѣчто отвлеченное и напряженное. Душа его была неизсякаемый источникъ новыхъ, глубокихъ ощущеній. Черная изъ нея, онъ восхищалъ сердца своихъ слушателей и заставлялъ покидать оружіе людей яростныхъ, привыкшихъ въ праздничные дни буйствовать. Въ рѣчахъ Августина не видно искусства, нѣтъ никакой методы. Онъ столь же отличаются отъ прекрасныхъ бесѣдъ Златоуста, сколь грубые нравы береговыхъ жителей Иппоніи далеки отъ искусствъ и великолѣпія Константинополя.

Когда Блаженный Августинъ проповѣдывалъ въ Карфагенѣ, слогъ его былъ болѣе возвышенъ и цвѣтущъ; но могущество его всегда было одно, то самое, котораго требуетъ онъ отъ христіанскаго витія—даръ слезъ. Эта умилятельная живость души, разлившая столько красотъ на его Исповѣдь, видна даже въ его богословскихъ сочтеніяхъ. Блаженный Августинъ, не столь возвышенный, какъ св. Василій Великій и св. Іоаннъ Златоустъ, былъ глубокомысленнѣе ихъ. Онъ былъ проповѣдникъ болѣе евангельскій, потому что говорилъ болѣе къ сердцу человѣка.

Оттискъ изъ № 6—7 журнала „Христіанинъ“ за 1910 годъ.

Печатать дозволяется. Виѣанія. Юля 10 дня, 1910 года. Цензоръ, Ректоръ Виѣанской Духовной Семинаріи, *Архимандритъ Филиппъ*.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru